

Татьяна Фадеева

*«Я люблю Побережье,
и мой долг – сделать его цветущим!..»*

(Из письма Голицыной Воронцову)

ЮЖНЫЙ БЕРЕГ РУССКОЙ АРИСТОКРАТИИ

*Из истории освоения
крымского Южного бережья 1820–1830 гг.
в неопубликованных письмах
княгини А.С. Голицыной
Александру I, М.С. Воронцову
и др. лицам*

Татьяна Фадеева

**«Я люблю Побережье, и мой долг –
сделать его цветущим!...» Южный
берег русской аристократии. Из
истории освоения крымского
Южнобережья 1820-1830
гг. в неопубликованных
письмах княгини А. С.
Голициной Александру I, М.
С. Воронцову и другим лицам**

«Прогресс-Традиция»

2016

УДК 008(091)
ББК 71-7(63.3)

Фадеева Т. М.

«Я люблю Побережье, и мой долг – сделать его цветущим!...»
Южный берег русской аристократии. Из истории освоения
крымского Южнобережья 1820-1830 гг. в неопубликованных
письмах княгини А. С. Голицыной Александру I, М. С. Воронцову
и другим лицам / Т. М. Фадеева — «Прогресс-Традиция», 2016

ISBN 978-5-89826-441-3

Книга посвящена малоизвестному этапу раннего освоения крымского Южнобережья русской аристократией, рассмотренному в более широком контексте общественных настроений александровско-николаевской эпохи. В отличие от ряда работ последних лет, пересказывающих уже известные факты, она вводит в научный оборот ряд первоисточников. Это выявленные в РГАДА письма княгини А.С. Голицыной, владелицы Кореиза, Александру I, М.С. Воронцову и другим лицам за период 1825–1837 гг. Дворцово-парковая усадьба Кореиз привлекает туристов и России, и мира. Неопубликованные архивные материалы в сочетании с опубликованными, но малодоступными читателю текстами позволяют ввести в научный оборот новые факты, полнее представить реальную картину заселения и освоения крымского Южнобережья, в то время труднодоступного и почти безлюдного. Они помогут избавиться от ошибок, неточностей и прямых искажений, растиражированных в имеющейся литературе о Кореизе и его владелице. В книге представлен большой иконографический материал – портреты гостей и владельцев, виды усадеб в живописи и графике того времени, современные фотографии. Новый труд автора, известного исследователя и знатока истории Крыма, сочетающего живость изложения с научной новизной, будет с интересом встречен читателями. Книга представляет интерес для профессиональных историков, краеведов, этнографов, религиоведов, искусствоведов, а также для широкого круга читателей, интересующихся историей России, Крыма.

УДК 008(091)

ББК 71-7(63.3)

ISBN 978-5-89826-441-3

© Фадеева Т. М., 2016

© Прогресс-Традиция, 2016

Содержание

Введение	11
Глава I	16
Религиозные настроения в кругах аристократии эпохи Александра I	17
Княгиня Анна Сергеевна Голицына, урожд. Всеволожская, – происхождение, личность, сближение с баронессой Крюденер	21
Указ 1822 г., опала и переселение из Петербурга в Крым	25
А.С. Голицына о роли М.С. Воронцова в письме императору Александру I	28
Александр I – гость Кореиза	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Татьяна Михайловна Фадеева
«Я люблю Побережье, и мой долг –
сделать его цветущим!..» Южный берег
русской аристократии. Из истории
освоения крымского Южного берега 1820–
1830-х гг. в неопубликованных письмах
княгини А.С. Голицыной Александру
I, М.С. Воронцову и другим лицам

© Фадеева Т.М., 2016

© Орлова И.В., оформление, 2016

© Прогресс-Традиция, 2016

* * *

«Я люблю Побережье, и мой долг – сделать его цветущим!..»
(Из письма Голицыной Воронцову)

Введение

Я хочу, чтобы вы были мне обязаны привлечением на Побережье благородных владельцев всех национальностей, всякого ранга и всех сословий.

Из письма кн. Голицыной гр. Воронцову

С портрета, недавно обнаруженного нами в ГИМе и публикуемого впервые, смотрит на нас немолодая, но еще красивая дама с благородным породистым лицом, в котором читается энергичный и волевой характер. Подлинный ее портрет, который сменит, наконец, ошибочно приписываемый ей¹, более всяких слов являет нам образ предводительницы переселения целой колонии, приступившей к освоению пустынного и дикого крымского побережья. Трудно представить себе, что в отсутствие этого портрета ее называли «мужеподобной старухой», основываясь, вероятно, лишь на упоминаниях о том, что она ездила верхом в мужском костюме и сама подписывалась в письмах «старуха в скалах», хотя в момент переселения ей было 45 лет.

После включения Крымского полуострова в состав России его посетило немало путешественников, отечественных и зарубежных, оставивших описания, ученые или романтические, но, как правило, восхищенные. Однако заселение шло медленно. Поворотным моментом в решении этой проблемы стало назначение 7 мая 1823 г. графа М.С. Воронцова на пост генерал-губернатора Новороссии и полномочного наместника Бессарабской области. К тому времени он был хорошо осведомлен о Крыме, обсуждал его с отцом, русским послом в Англии, и уже приобрел первые земли на полуострове. Он занялся дорогами и в качестве личного примера избрал своей летней резиденцией усеянный камнями и скалами берег Алупки.

¹ Новый вариант издания «Русские портреты XVIII–XIX веков. Иллюстрированный справочник-путеводитель с уточнениями и дополнениями» (М., 2003) содержит важные дополнения и уточнения по идентификации портретов. Этот список, указывают издатели, пополнился и такой, «давно вызывающей большие сомнения атрибуцией, как портрет Анны Сергеевны Голицыной работы Ф.С. Рокотова» (т. 1, № 158, с. 5). В таблице изменений в атрибуциях она теперь фигурирует как Неизвестная (с. 172). Наши сомнения были связаны с несоответствием портрета волевому характеру княгини, что явствовало из ее писем, а также ее одеянию. В дальнейшем поиске мы руководствовались сообщением Д.А. Ровинского о существовании портрета княгини, литографированным Погонкиным, а также публикацией его в Каталоге Морозова А.В. (Каталог моего собрания русских гравированных и литографированных портретов. Т. 1–4 и Алфавитный указатель. М., 1912–1913). Продолжив поиск, мы обнаружили литографию портрета со всеми удостоверяющими подписями в Изобразительном отделе ГИМа. Местонахождение оригинала, работы П.Ф. Соколова, с которого сделана литография, пока не известно.

Голицына Анна Сергеевна, княгиня, урожд. Всеволожская. Худ. П.Ф. Соколов, грав. Погонкин. 1820-е гг. ИЗО ГИМ, Москва

Бездорожье, отсутствие привычных благ цивилизации создали в те времена Крыму дурную славу. Слухи об «ужасном» климате Южного берега, в которые трудно сегодня поверить, широко распространялись в обеих столицах. Михаил Воронцов прекрасно сознавал, что изме-

нить предвзятое отношение можно лишь привлекая в Крым авторитетных представителей аристократии, располагающих средствами. При этом, воспитанный в Англии, он справедливо полагал, что «никакое государство, сколь бы деспотичным оно ни было», не могло бы заставить дворян переселиться на новые берега. Помог очередной политический поворот, которых немало в русской истории.

В 1822 г. император Александр I неожиданно запретил тайные общества мистического толка, к которым прежде был весьма расположен. Наиболее ярким фигурам, в их числе баронессе Варваре-Юлиане Крюденер и княгине Анне Голицыной, предписывалось вовсе воздерживаться от собраний в столице. Это означало запрет на участие во всякой придворной и светской жизни. Снести подобный удар безропотно они не могли и предпочли своего рода эмиграцию. Выбор пал на Южный берег Крыма, о котором доходили слухи как о земном рае – богатой стране, но глухой и необжитой, к тому же населенной татарами-мусульманами. Край этот, как казалось, вполне подходил для их миссионерских целей: в обществе считали, что они отправились «проповедовать Евангелие татарам».

Крым, присоединенный еще в 1783 г., несмотря на заманчивые описания его красот путешественниками, и спустя 40 лет оставался практически незаселенным. И эта проблема особенно беспокоила нового генерал-губернатора – Михаила Воронцова. Его внимание не могли не привлечь сборы баронессы Крюденер и княгини А.С. Голицыной, собиравшейся потратить свои немалые средства на обустройство целой колонии, состоявшей, выражаясь современным языком, из «специалистов» в своем деле (виноградарство, виноделие, маслоделие и т. д.), столь нужных в Крыму. Он постарался убедить княгиню, оказавшуюся в опале вместе с Крюденер и их друзьями – участниками благочестивых собраний, в государственной важности освоения Южного берега, и ему это удалось, о чем она сама написала императору. Надо представить себе ее настроения: обожание государя, который до последнего времени был их единомышленником, и вдруг резкий поворот и осознание, что она в этом качестве ему не нужна. Но чем еще она может послужить царю и отечеству? – удалиться от света, избрав самую глухую окраину и самое трудное поприще, возделывая землю.

Так М.С. Воронцов приобрел в лице А.С. Голицыной важного соратника. Преодолев множество трудностей путешествия, княгиня, во главе колонии поселенцев из примерно ста человек, поселяется в Кореизе, по соседству с Алушкой – крымской резиденцией М.С. Воронцова. Так складывается картина своеобразного «разделения труда»: граф имеет постоянную резиденцию в Одессе, много времени проводит в поездках по вверенному ему краю, а также за границей, бывая в Крыму и в Алушке наездами; княгиня живет в Кореизе постоянно, посвящая все свое время и силы руководству работами, подбору земель для желающих поселиться на побережье, наблюдая за строительством усадеб и устройством парков и виноградников в Алушке, Гаспре, Кореизе.

Поселившись в Кореизе, деревне из трех десятков домиков, княгиня принялась за постройку усадебного дома, а затем церкви (первую на Южном берегу со времени турецкого завоевания, 1475 г.), винного погреба в виде замка (памятник архитектуры, сохранился) и множества хозяйственных построек. Одновременно высаживался виноградник, сад и проч. Кроме того, под ее руководством создавался дворец и парк в Гаспре для князя А.Н. Голицына, а также имение Верхняя Ореанда для И.О. Витта и К.А. Собаньской. Об этом периоде раннего освоения Крыма можно было почерпнуть краткие сведения из старых путеводителей, из мемуаристики; однако в годы советской власти Кореиз стал госдачей, там имела местопребывание советская делегация во время Ялтинской конференции 1945 г. Поэтому о нем не велось специальных исследований, как о других Южнобережных имениях – Ливадия, Ореанда, Алушка. Новые архивные материалы позволяют осветить этот важный период освоения Крыма и яркую фигуру его владелицы. Настоящим открытием являются обнаруженные в архиве РГАДА письма А.С. Голицыной к М.С. Воронцову, генерал-губернатору Новороссии

и Крыма, написанные в Кореизе с 1825 по 1837 г., и ряд ее писем другим лицам (впервые в нашем переводе с французского). Важным дополнением является большой блок переписки кн. Голицыной и баронессы Беркгейм, дочери Крюденер, во 2-м томе «Архива Раевских», 1909 г., (редкое издание), также в нашем переводе с французского.

Новые материалы позволяют избавиться от ошибок, неточностей и прямых искажений, растиражированных в имеющейся литературе о Кореизе, одном из первых крупных имений Южного берега, и его владелице. О княгине А.С. Голицыной все еще преобладают сведения несколько анекдотического характера – чудаковатая и сумасбродная «старуха в скалах», «религиозная фанатичка», наводящая страх не только на слуг, но и на окрестное начальство. Из публикуемой переписки возникает образ образованнейшей женщины своего времени, друга и соратника графа М.С. Воронцова в благородном деле – заселить крымское побережье, привлечь сюда людей со средствами и с желанием принести пользу отечеству. Ей это удается, и так возникает ее окружение: видные представители русской аристократии, близкие ко двору, покидают столицу и вкладывают немало сил и средств в эту пустынную окраину Российской империи. В книге представлена целая галерея этих лиц. Это баронесса Крюденер, приятельница Александра I, ее дочь баронесса Беркгейм с мужем; кн. Софья Сергеевна Мещерская, родная сестра кн. Голицыной, и друг императора Александра, и ее дети – племянники княгини; князь Александр Николаевич Голицын, министр просвещения, обер-прокурор Синода, друг двух императоров; князь Василий Сергеевич Голицын, внучатый племянник Г.А. Потемкина; Татьяна Борисовна Потемкина, известная благотворительница и друг царской семьи, и другие. Что же движет этими людьми? Религиозные настроения той эпохи, разделявшиеся самим императором, Александром I, объединяли людей, давали им энергию и силы, необходимые для подвижничества. К известным сведениям многое добавит и разъяснит переписка.

Княгиня (ее титул зачастую употребляется в переписке того времени вместо имени и с прописной буквы) приобрела статус своего рода старейшины не только среди колонистов, но и местных татар. Выбрав место для постройки дома под скалой, на крутом склоне, она сама придумала себе прозвище Старуха скалы, *La vieillie du rocher*, в духе романтизма начала века, и так называла себя в письмах Воронцову. Удивляло и ее одеяние: она постоянно носила мужскую шинель и длинный сюртук, а также брюки, в которых удобно было ездить верхом по крымскому бездорожью. За поясом у нее была нагайка или хлыст, необходимая принадлежность для верховой езды, но вокруг него у мемуаристов XIX столетия сложились целые легенды, согласно которым княгиня нередко пускала его в ход, наказывая прислугу, домашних, исправника и тем якобы «держала в страхе всю округу».

В самом деле она явно не соответствовала вкусам той эпохи, хотя в чем-то опережала их: вместо изящной «амазонки» и бокового седла княгиня предпочитала мужской костюм, позволявший удобно сидеть в седле, что было весьма благоразумно в условиях крымского бездорожья, как и нагайка за поясом. Все сказанное – отнюдь не повод считать ее «мужеподобной старухой», как пишут некоторые. В Крыму она поселилась в возрасте 45 лет; те, кто видел ее в то время, подчеркивают благородство ее облика, энергию, образованность и вкус. Немного странным может показаться лишь сочетание чепца и одеяния типа редингот, приталенного двубортного пальто с отворотами, в то время исключительно мужского, которое со временем войдет в моду и у женщин.

«Внутренняя религиозность», «христианская философия», по выражению брата А.С. Голицыной Н. Всеволожского, были предназначены для круга близких людей. В отношении к ним мы увидим много нежности, готовности прийти на помощь, немного замаскированной добродушной насмешливостью и самоиронией. Княгиня в юности путешествовала по Европе, вела обширную переписку, была широко и разносторонне образованной женщиной. В ее доме в Кореизе была собрана большая библиотека, регулярно приходили газеты и журналы, и всем этим могли пользоваться ее соседи.

Письма позволяют судить о характере княгини, крутом и властном; вместе с тем в них нет и следа «религиозного фанатизма, мистицизма, миссионерства и т. п.», из чего сложился «миф княгини Голицыной», якобы чуть ли не насильственно обращавшей татар в христианство. В мемуарах и записках нередко утверждения, согласно которым княгиня Голицына в сопровождении спутников совершала миссионерские поездки по татарским селениям, пытаясь обращать мусульман-татар в христианскую веру. Никаких упоминаний о чем-либо подобном в письмах не встречается. Похоже, что такая легенда сложилась еще в Петербурге и впоследствии повторилась, обрастая «подробностями» как снежный ком. В самом деле трудно было объяснить «добровольно-принудительный» отъезд лиц из близкого окружения самого государя, причем не куда-нибудь в свои поместья, а в такую далекую неизведанную страну – Крым, вдобавок населенную татарами-мусульманами! Зная их религиозные пристрастия, нетрудно было предположить, что они «уехали проповедовать Евангелие татарам».

Текст сопровождают иллюстрации, живопись и графика, воспроизводящие облик Южного берега 1830-х г. XIX в. Мы видим пустынный берег, с едва заметными скоплениями домов на местах, где сегодня Ялта, Ливадия, Алупка... Кореиз, селение в 30 домов, спустя 5–8 лет на изображениях 1830–1834 гг. уже выглядит как имение с церковью, домом княгини, винподвалом, парком и виноградниками. Вдали виден замок князя Александра Николаевича Голицына, в свое время обер-прокурора Синода, затем министра просвещения, а впоследствии – воспитателя царских детей. Этот замок был построен под руководством княгини Голицыной, силами крымских архитекторов и согласно пожеланиям князя в письмах из Санкт-Петербурга, адресованных княгине Голицыной. Сохранившийся замок в Гаспре можно считать творением княгини, не зря ее вкус ценили и А.Н. Голицын, и М.С. Воронцов. Из писем известно, что она строила поместье для генерала И.О. Витта и Каролины Собаньской в Верхней Ореанде. Находясь в постоянном контакте со знаменитым Кебахом, создателем парка в Алупке, и со Стевеном, директором Никитского ботанического сада, Голицына принимала участие в закладке виноградников и парков в разных имениях Южного берега. Их владельцы были связаны между собой родством, перепиской, взаимными посещениями, обменом семенами и саженцами для сада, а также книгами и газетами. Наконец, все они являлись знакомыми или близкими друзьями Пушкина; именно сюда пришли письма о его дуэли и гибели, которые будут, наконец, опубликованы в нашем переводе.

Роль княгини А.С. Голицыной кратко и емко подытожена в обращенных к ней словах графа М.С. Воронцова, называющего себя *«человеком, которое вас уважает, вами дорожит, и собственно вами, и всем тем добром, которое вы сделали для этой прекрасной части России, которую сорок лет забвения предали запустению и которую никакая власть, сколь бы деспотичной она ни была, не подняла бы еще долгое время, если бы счастливая звезда не привела вас на ее берега»*².

² Все публикуемые письма печатаются в редакции оригинала в современной орфографии.

Глава I

Основательница первой колонии на Крымском побережье – княгиня А.С. Голицына

Религиозные настроения в кругах аристократии эпохи Александра I. Княгиня А.С. Голицына, урожд. Всеволожская – происхождение, личность, сближение с баронессой Крюденер. Указ 1822 г., опала и переселение из Петербурга в Крым. А.С. Голицына о роли М.С. Воронцова в письме императору Александру I. Александр I – гость Кореиза. Имение Кореиз кн. Голицыной А.С. в 1824–1838 гг.: опыт реконструкции. Восхваление Южного бережья и привлечение новых владельцев. Жизнь в Кореизе: «труды и дни» в письмах М.С. Воронцову. Ссора с М.С. Воронцовым и примирение.

Религиозные настроения в кругах аристократии эпохи Александра I

Об основательнице Кореиза – самого первого крупного имения Южного берега, княгине А.С. Голицыной все еще преобладают сведения несколько анекдотического характера – чудакость и сумасбродная «старуха в скалах» – выражение, переделанное островами в «старый демон». В самом деле она явно не соответствовала вкусам той эпохи, хотя в чем-то опережала их: вместо изящной «амазонки» и бокового седла (активная езда в котором была небезопасной, а то и попросту невозможной) княгиня носила мужской костюм, позволявший удобно сидеть в седле, что было весьма благоразумно в условиях крымского бездорожья, как и нагайка за поясом. Эти и подобные им «странности» в поздних мемуарах обросли легендами, в которых мы постараемся разобраться. Однако основательница огромного – в 44 десятины – имения на целинных землях крутого крымского побережья, сумевшая увлечь и организовать целую колонию переселенцев, заслуживает достаточно серьезного и вдумчивого отношения. Да и не она одна, но и ее окружение – видные представители русской аристократии, близкие ко двору, покидают столицу и вкладывают немало сил и средств в эту пустынную окраину Российской империи. Что же движет этими людьми?

Здесь приходится предпослать дальнейшему повествованию небольшое предисловие о некоем этапе развития духовной жизни русской аристократии религиозно-мистического характера, характерном для второй половины царствования Александра I. Перед нами пройдет галерея лиц, принадлежащих к высшей аристократии и посвятивших свои усилия – как это ни странно звучит для уха читателя, получившего образование в советских учебных заведениях, – решению социального вопроса. Но в отличие от декабристов они искали это решение не на путях брато- и цареубийственной революции, а на путях милосердия и благотворительности. Труды на ниве служения ближнему – вот что облагораживает души, а это – конечная цель любых трудов. За истекшие десятилетия много было сделано, чтобы опорочить саму идею благотворительности и личных усилий, которым противопоставлялась идея государственных служб соцобеспечения. Неудивительно, что люди, движимые энергией духовно-религиозного возрождения, забыты. Но благодаря тому, что в приливе этой энергии они посвятили часть своих усилий обустройству и украшению крымского побережья парками, дворцами, садами и виноградниками, которые радуют нас и сегодня, мы вспоминаем эти имена.

В духовном развитии начавшей формироваться при Петре новой культурной элиты России с середины XVIII по середину XIX в. прослеживается два этапа. К середине XVIII в. ее представители осознали недостаточность элитизма для русской культурной перспективы. Во второй половине XVIII в. элита отходит от первоначального культа всепроникающего государственного механизма, для которого индивид, – лишь винтик, и открывает масонство, с его пантеистической метафизикой и религиозным восприятием космоса. Ориентированное на внутреннее самоусовершенствование, оно оказало решающее влияние на формирование интеллектуальной элиты России.

Эпоха царствования Александра I – другой важный этап российского историко-культурного становления. Русское образованное общество всецело охватывается влиянием немецкого пиетизма (благочестия. – *Прим. авт.*), который возводится на уровень чуть ли не государственной идеологии.

Квиетизм, пиетизм, гернгутеры³, сочинения таких авторов, как И.Г. Юнг-Штилинг, В.Ю. Крюденер, – таковы были наиболее яркие черты движения религиозного обновления в

³ Гернгутеры, выходцы из саксонского города Гернгут, разделявшие разновидность протестантского учения. Особенность вероучения гернгутеров – так называемая «религия сердца»: эмоциональное переживание человеком мистического единства

Европе, напрямую отразившиеся в российской жизни. Александр I разделял центральные идеи европейского религиозного возрождения и пытался внедрять их в России. Император встречался с гернгутерами, И.Г. Юнгом-Штиллингом, В.Ю. Крюденер, которая в особенности обратила его внимание на идеи квиетизма и пиетизма. Они привлекали Александра I тем, что это была серьезная альтернатива рационализму, романтизму и просветительской философии. При этом идеи духовного объединения христиан, стирание посредством религиозного просвещения сословных границ вполне отвечали либеральным воззрениям императора. Наконец, лозунг христианского единства использовался Александром I и во внешней политике.

Религиозно-философские взгляды Александра I с трудом поддаются реконструкции. «Северным сфинксом» императора называли не напрасно. И хотя Канцлер Австрии князь Меттерних называл Александра I политиком, легко подчинявшимся велению обстоятельств, он прекрасно отдавал себе отчет, что русский император проводит достаточно последовательный внешнеполитический курс, часто маскируя его религиозными идеями.

Источники формирования религиозного мировоззрения Александра I были те же, что и у большинства представителей высшего света начала XIX в. Пиетизм – религиозно-мистическое течение (от лат. *pietas* – благочестие), придававшее большее значение внутреннему религиозному чувству, личному переживанию общения с Богом и самостоятельному изучению Писания, чем соблюдению обрядов. И читать Библию самому полезнее, чем слушать проповедника.

Рационализму Просвещения пиетизм противопоставлял культ религиозного чувства. Пиетисты придавали большее значение внутреннему благочестию, деятельной любви, нравственному усовершенствованию и искреннему раскаянию, чем неуклонному соблюдению церковных правил и предписаний. Акцент был сделан на нравственной стороне христианства, при этом вопросы вероучения, догматики, обрядности отошли на второй план. Пиетисты продолжали числиться членами своих церквей, но собирались на отдельные собрания, состоявшие в чтении Библии и взаимном нравственном назидании. Последователи течения порицали любые развлечения, смех и яркие одежды, напоминая в этом английских пуритан.

Христианин должен утверждать Христа всей повседневной нравственной жизнью, личной святостью, чуткостью к нуждам других. Вера понималась как глубоко личное дело каждого, богослужение – как эмоциональное переживание. Религиозные чувства ставились выше всех богословских догматов, интеллектуальных построений, религиозных авторитетов, символов веры, церковной традиции.

В истории царствования и биографии императора Александра I имеется еще немало спорных и неизученных проблем, в частности «правительственного либерализма» в начале царствования Александра I, характер его социальной политики. В литературе весьма различны оценки его позиции в «польском», «финляндском» и «греческом» вопросах. Так, до сих пор не выяснено до конца, чем были вызваны в 1821 г. отказ Александра I от открытого судебного преследования, выявленного по доносам, декабристского тайного общества «Союз благоденствия» и решение не обнародовать такой важный документ, как манифест 1823 г. о передаче престола Николаю, минуя Константина. Биографами так и не объяснены причины «душевной депрессии» Александра в последние годы его царствования. Жизнь и деятельность этого, несомненно, незаурядного монарха России ждет обстоятельного исследования.

Развитие мистицизма, характерная черта общественного настроения второй половины царствования Александра, во многом связано с душевным настроением самого императора.

с Христом как хранителем мира. Гернгутеры сосредоточили особое внимание не на догматике, а на нравственной стороне религии, в соответствии с евангельским учением. Это направление распространилось в Германии, Северной Америке, Латвии и Эстонии. После издания Екатериной II манифеста о приглашении в Российскую империю иностранных колонистов гернгутеры одними из первых основали в 1765 г. свою колонию в Сарепте (Царицынский уезд Саратовской губернии; сейчас Красноармейский район г. Волгограда). После смерти в 1817 г. проповедника Генриха Штиллинга-Юнга гернгутеры из Вюртемберга и Баварии добились особого разрешения у Александра I на поселение в Закавказье. Почти девять тысяч членов общин, распродав имущество, отправились на восток. Часть погибла в пути, некоторые из них осели в Бессарабии и вблизи Одессы.

После 1812 г. в его сознании происходит сильный перелом. Прежние либеральные и великодушные идеи и стремления постепенно вытесняются новыми влияниями, мистическими и религиозными. Неудивительно, что личные взгляды императора Александра, который оказывал внимание знаменитому мистiku Юнгу-Штиллингу, подпадал под влияние пиетистки-мечтательницы г-жи Крюденер, проповедовавшей нечто вроде возвращения к первоначалам христианства, любви к ближнему и филантропии, – производили сильное действие на умы. Изменения в характере Александра были предметом интереса западных историков, более свободно высказывавших свои наблюдения. Александр получил воспитание в духе XVIII в. Историк Шницлер так передает слова, сказанные императором в 1818 г. епископу Эйлерту: *«Императрица Екатерина была великой женщиной, и память о ней навсегда останется в истории России. Но что касается той части воспитания, которое развивает истинное благочестие сердца, то в то время при петербургском дворе оно было таким же, как и повсюду: много слов, но мало смысла; много внешней обрядности, но святая сущность христианства оставалась скрытой от глаз. Я чувствовал пустоту в душе, и смутное предчувствие сопровождало меня, в то время как я много разъезжал, предавался развлечениям. В конце концов, пожар Москвы просветил мою душу, и суд Божий на ледяных полях битвы наполнил мое сердце жаром веры, какого оно раньше не знало. С этого момента я осознал Бога таким, каким открыло Его нам Святое Писание; с тех пор я научился понимать и отныне понимаю Его волю и закон, и решил посвятить только Ему и славе Его мое царствование и меня самого, зрела и укреплялась во мне. С этого времени я стал другим человеком...»*⁴

На христианских принципах любви к ближнему, мира и согласия между народами, по мысли Александра, должен основываться Священный союз. Но для этого Священное Писание должно стать доступным народам, причем на их собственном языке. Отсюда весьма естественной была его поддержка деятельности Библейского общества, поначалу весьма активная: *«Следует распространить святые книги такими, какими они нам даны. Комментарии неудобны тому что в той или иной степени подменяют текст идеями самого интерпретатора. Каждый христианин, независимо от вероисповедания должен свободно воспринимать воздействие Священной книги, благотворное и стимулирующее...»*⁵

Деятельность Российского библейского общества отчасти пришла в столкновение: 1) с мнениями образованных людей, которые видели в ней распространение обскурантизма и фанатизма и 2) со взглядами крайних консерваторов, а также и с воззрениями истинных ревнителей церкви, усмотревших в деятельности Общества угрозу основам православия.

Поначалу православное духовенство под влиянием императора живо откликнулось на просветительную деятельность Библейского общества, которая приобрела в его среде искренних и преданных сторонников. Но вскоре Библейское общество сделалось центром притяжения мистиков, в их проповеди какого-то нового Христова царства духовенство усмотрело опасность для православия, в особенности тревогу вызывало распространение мистической литературы, которая в то время чрезвычайно размножилась. Еще с самых первых годов царствования Александра непосредственный ученик Новикова – Лабзин предпринял ряд своих мистических изданий и в 1806 г. основал особый орган для распространения своих идей – «Сионский вестник». Журнал был, впрочем, скоро запрещен, но в 1817 г., вскоре после создания Библейского общества, возобновлен, причем Лабзин стал играть в нем активную роль.

Склонность к мистицизму самого императора и близкого к нему князя А.Н. Голицына, поставленного во главе духовных учреждений, поставила эту литературу в чрезвычайно выгодные условия. Книги мистического толка чрезвычайно размножились и усиленно распространялись; некоторые из них даже даром рассылались в библиотеки при училищах. *«Вся эта*

⁴ Schnitzler J.H. Histoire intime de la Russie sous les empereurs Alexandre et Nicolas. – P., Jules Renouard et Co. – 1847. – P. 462.

⁵ Schnitzler J.H. Histoire... 1847. – P. 463–464.

литература, – замечает Пыпин, – большей частью была переводная и происхождения протестантско-мистического; в своих исканиях “внутренней” церкви она нередко нападала на то, что называла внешней или наружной церковью, осуждала ее недостатки и т. п., и хотя осуждения эти были, собственно, нападениями немецких мистиков на протестантскую ортодоксию, но их можно было истолковать как осуждение церкви православной. Все это возмущало ревнителей православия»⁶.

Вражда духовенства и Общества особенно усилилась после 1817 г., когда образовано было министерство духовных дел и народного просвещения, во главе которого поставлен был все тот же князь Голицын. Министерство это, в котором дела православные ведались наряду с делами католическими, протестантскими, наконец, магометанскими и иудаистскими, подавало повод говорить об унижении господствующей церкви, которая ставилась в один ряд с иноверными исповеданиями, даже нехристианскими. Главные места в двойном ведомстве кн. Голицына были отданы светским библейским деятелям, которые таким образом сделались начальством по отношению к духовенству, а это оскорбляло его сословный дух и приводило к столкновениям духовенства с библейскими деятелями. Министерство духовных дел было закрыто, дела иностранных исповеданий оставлены за министром народного просвещения, а дела по православному исповеданию отошли к синодальному обер-прокурору. Несмотря на письма митрополита Серафима к государю о вреде всеобщего обращения Библии, о союзе Библейских обществ с мистическими лжеучениями и необходимости закрытия их, о порче, проникшей не только в светские, но даже в духовные училища, они остались без ответа. Библейское общество было слишком близко императору Александру, и врагам Общества не удалось добиться формального его закрытия при жизни императора. Это сделал Николай I по вступлении своем на престол; уступая настояниям митрополитов Серафима и Евгения (Болховитинова), он издал указ от 12 апреля 1826 г., положивший конец Российскому Библейскому обществу. В последующее тридцатилетие (1826–1856) к самой идее перевода книг Священного Писания на современный русский язык относились враждебно. При этом распространение Священного Писания на языках иностранных среди лиц инославных исповеданий не встречало препятствий.

⁶ Пыпин А.Н. Библейская секта 20-х годов // Вестник Европы. – 1871, кн. 3.

Княгиня Анна Сергеевна Голицына, урожд. Всеволожская, – происхождение, личность, сближение с баронессой Крюденер

Княгиня А.С. Голицына (1779–1838) – личность весьма неординарная. Она была младшей дочерью генерала-поручика С.В. Всеволожского. О роде Всеволожских стоит упомянуть особо. Род, начало которому было положено князьями Смоленскими, потомками Рюрика, знал немало падений и возвышений. Последнее как раз и связано с детьми Алексея Степановича, генерал-майора, д.с.с. – Всеволодом, Ильей и Сергеем. В 1762 году авантюрные братья приняли участие в дворцовом перевороте, приведшем к власти Екатерину II, за что были щедро вознаграждены «чинами, имениями и деньгами». Кстати, наследником огромного пермского имения бездетного Всеволода Алексеевича впоследствии стал Всеволод Андреевич, сын четвертого брата, Андрея. А уже его сын – князь Никита Всеволодович Всеволожский – приятель Пушкина, широко известный в светских кругах того времени.

В родовом имении в Москве из братьев остался лишь Сергей Алексеевич. Дети его Софья, Анна и Николай в значительной мере унаследовали авантурную жилку семейства Всеволожских. Николай Сергеевич Всеволожский (1772–1857), участник русско-шведской войны, военных действий в Польше, в 1808 г. стал вице-президентом Московской Медико-хирургической академии, а когда та закрылась, решился на покупку дорогостоящей типографии. 150 тысяч рублей, сумма по тем временам огромная, была потрачена на приобретение оборудования во Франции от Дидо и шрифтов на нескольких языках. За все время действия типографии было выпущено более 140 книг: биографии, книги по истории (в том числе труд самого Всеволожского «Историко-географический словарь Российской империи»), мемуары, карта Москвы.

Пожар 1812 г. усадьбу Всеволожских не затронул. Сами хозяева спешно выехали во Владимирское имение, а в главном доме поселился французский генерал Комван. Табличка, прикрепленная на типографии, гласила, что отныне это «Императорская типография Великой армии». Разнообразные шрифтыгодились для печати бюллетеней и воззваний Наполеона. Впоследствии Николай Сергеевич был тверским губернатором.

Обе сестры Н.С. Всеволожского – личности незаурядные, оставившие свой след в истории Александровской эпохи. Старшая, княгиня Мещерская Софья Сергеевна (1775–1848), – в юности фаворитка великого князя Александра Павловича, от которого родила сына Николая, до конца жизни императора сохраняла на него высокое духовно-нравственное влияние.

Младшая, княгиня Голицына Анна Сергеевна (1779–1838) – владелица Кореиза, положила начало активному заселению Южного берега Крыма.

С ранних лет она начала интересоваться вопросами религии. Еще не будучи замужем, она написала книгу под названием «Примерный ребенок, или Жизнь маленького графа Платона Зубова», с матерью которого, графиней Натальей Александровной Зубовой, знаменитой «Суворочкой», дочерью полководца А.В. Суворова, была очень дружна. Позднее А.С. Голицына издала еще одну книгу, но уже на другую тему – «Согласование в форме реестра для облегчения нахождения любого места в Новом Завете». Название книги говорит о том круге интересов, которые волновали княгиню. Благодаря огромному состоянию она была «завидной невестой», но воспользовалась этим обстоятельством, чтобы получить свободу распоряжаться своей жизнью⁷. Она вышла замуж за князя И.А. Голицына, адъютанта Великого князя Констан-

⁷ Вероятно, такому решению предшествовало некое увлечение и последующее разочарование. Об этом говорят скупые слова ее брата Николая, посетившего сестру спустя 10 лет в Кореизе: «Не знаю, для чего воображение переселило меня ко дням нашей молодости, но вместо прелестной, стройной, ловкой женщины я держал в объятиях согбенную, худую старушку. Однако черты лица ее по-прежнему выражают ум, доброту и твердость характера, которыми всегда отличалась княгиня Голицына.

тина Павловича. Князь мечтал поправить свое материальное положение женитьбой, проиграв перед этим целое состояние. Брак ее вызывал много разговоров. Согласно рассказу Каролины Эшлиман, сразу после венца новобрачная передала мужу портфель с деньгами, со словами: «здесь, князь, половина моего приданого, вы возьмете это себе, а засим – позвольте с вами проститься и пожелать вам всего наилучшего: каждый из нас пойдет своей дорогой. И вы, и я сохраним полную свободу действий»⁸. После этого муж, кн. Иван Александрович Голицын, известный под прозвищем *Jean de Paris*, навсегда оставил ее в покое и поспешил в Париж, где впоследствии женился на француженке и умер в 1846 г., не оставив потомства.

Отличаясь независимостью суждений и нрава, Анна Сергеевна видела в замужестве путь к свободе действий, единственно доступный для женщины в соответствии с нравами общества. «Она вела образ жизни крайне оригинальный и свободный, – пишет ее дальний родственник кн. Голицын Н.Н., – например, ходила постоянно в мужском костюме, длинном сюртуке с капюшоном... Я имею портрет ее в старости, в том же костюме, сделанный в конце 30-х годов; редкие экземпляры этой литографии находятся у родственников ее и бывших знакомых»⁹. В 20-х г. XIX в. она стала одной из видных деятельниц религиозно-мистического движения в России. Увлеченная религиозными вопросами, она сблизилась с кружком мистиков и пиэтистов, подружилась с баронессой Крюденер, приехавшей в Петербург.

Крюденер (рожд. Фитингоф, 1764–1824) познакомилась с Александром в 1815 г., до этого в Карлсруэ она сблизилась с императрицей и ее фрейлиной Р.С. Стурдзой. В 1818 г. она приехала в Россию, с разрешения царя прибыла в Петербург и вошла в кружок русских мистиков. О восприятии этой весьма неоднозначной фигуры русским высшим обществом колоритно повествуется от имени героини «Рассказов бабушки» Благово.

«В 1817 или 1818 году приехала в Петербург одна баронесса Крюденер, жена бывшего нашего посла при Прусском дворе. Во время пребывания государя в Париже она очень его привлекала своим умным и живым разговором и предсказала ему, что Бонапарт не усидит на острове Эльбе, и когда это сбылось, государь стал иметь к ней особенное доверие. Она была какая-то восторженная проповедница, вроде миссионерки-просветительницы, которая всюду бродила и проповедовала обращение ко Христу-Спасителю, словом, была презагадочная личность, пророчица не пророчица, а иллюминатка, и была почитаема некоторыми за вдохновенную распространительницу христианства. Другие ее гоняли и досаждали ей, но она всякие оскорбления переносила с терпением и кротостью. Государь часто видался с нею, бывал нередко у нее и просиживал по целым вечерам. Сначала ее опасались, видя в ней что-то необыкновенное; но когда государь показал к ней расположение, около нее собрался целый кружок поклонников и последователей ее учения. Ей хотелось было ходить по улицам в Петербурге и проповедовать, но ей этого не позволили... Года три или четыре прожила она в Петербурге, будучи в большом доверши и фаворе, да только не сумела удержаться – проболталась, говоря, насчет некоторых предположений касательно Греции, про которые государь передавал ей с глазу на глаз. Этим воспользовались люди, опасавшиеся ее влияния и расположения к ней государя, и, наконец, достигли того, что ей велено даже было выехать из Петербурга; это случилось в 1822 году»¹⁰.

И она, как и я, но, может быть, с большими правами могла мечтать о счастье! И ее, как меня, оно мгновенно польстило и обмануло!» (Всеволожский Н.С. Путешествие через Южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь, Италию, Париж в 1836–37 гг. – М., 1839. – Т. I. С. 56–57.

⁸ Воспоминания К.К. Эшлиман // Русский Архив. – М., 1913. № 1. – С. 329.

⁹ Голицын Н.Н., князь. По поводу статей о госпоже Крюденер // Русский Архив. 1870. С. 903.

¹⁰ Рассказы бабушки. С. 293–294.

Как произошло сближение Крюденер и кн. Голицыной, можно проследить по строкам книги Ш. Эйнара, биографа баронессы. Дочь проповедницы и ее зять Беркгейм были горячими поклонниками и распространителями ее учения. Барон Беркгейм, полицейский генерал-комиссар в Баварии, под впечатлением религиозных сеансов Крюденер оставил службу и состоял при баронессе. В 1815 г. он женился на ее дочери. После изгнания из Европы, осенью 1820 г. чета Беркгейм жила близ Санкт-Петербурга на даче у княгини Анны Голицыной. Барон тяжело заболел. Крюденер пишет Анне Голицыной письмо *от 15 декабря 1820 г.* с благодарностью за гостеприимство, оказанное дочери и зятю.

«Верная подруга во Христе, как мне благодарить вас, как не возлюбить вас? Что могу я сделать для вас, дорогая Анна, сестра моя? Я целую ваши руки с признательностью, я вижу с восхищением, что вы одарены многими достоинствами.

Ах, моя дорогая подруга, велика моя надежда, больше чем мои страдания, что вы пойдете царским путем; Господь увидел в вас душу, созданную для Него, и, избрав вас своим благословенным орудием, он поместил вас в среду страданий и крестного пути. Я люблю вас всем сердцем; идите, идите, отвергните мир от себя; пусть ваши глаза видят лишь Господа, его крест и его неисчерпаемую любовь. Закройте глаза, станьте глухи ко всему и призывайте единственное благо – любовь к Господу»¹¹.

«Благословите моего сына, мою дочь, моя дорогая вторая дочь; пусть все обожают вас, следуют за вами, о Боже, и пусть из этих слез вырастут цветы у ваших ног, цветы вечности» (там же).

Крюденер попросила у императора позволения отправиться к дочери и зятю в Санкт-Петербург где барон Беркгейм тем временем получил место у кн. А.Н. Голицына по министерству народного просвещения. Император, находившийся на конгрессе Священного Союза в Троппау, дал благоприятный ответ. 2 февраля 1821 г. баронесса Крюденер появилась в Санкт-Петербурге. Благодаря ее приезду и совместным молитвам тяжело больному барону стало лучше.

«С прибытием в Санкт-Петербург мадам Крюденер вновь стала предметом оживленного интереса, – пишет Эйнар. – Русское общество, такое мобильное, такое впечатлительное и падкое на все необычное, спешило к княгине Голицыной, чтобы видеть и слышать мадам Крюденер: бедные и богатые, штатские и военные, дворяне и мещане стекались слушать ее увещания и предостережения. В толпе можно было заметить и несколько членов мистических обществ, сложившихся в последние годы царствования Екатерины»¹².

Дружба с княгиней А.С. Голицыной и кн. А.Н. Голицыным, ее дальним родственником по мужу, но весьма близким духовно, поставила Крюденер в центр петербургского мистицизма, которому, казалось, покровительствовал сам император. Александр тогда сохранял свои надежды на распространение чистого христианства между народами и благосклонно смотрел на пеструю смесь разных видов религиозной экзальтации в обществе. Библейские общества, поощряемые указом императора и возглавляемые князем Голицыным, генерал-прокурором Синода, смыкались со сторонниками мистицизма в стремлении освободить религиозную мысль.

Баронесса надеялась на более благожелательное отношение к своей проповеднической миссии в России, однако осенью 1821 г. отношение императора к ней стало меняться.

¹¹ Eynard Ch. Vie de madame de Krudener. – Т. 2. – Р., 1849. – Р. 338.

¹² Eynard Ch. Op. cit. Р. 344.

Призывы Крюденер к крестовому походу против турок, порабовавших греков, были расценены как попытка вмешаться во внешнюю политику России.

«Еще живя в Лифляндии, – писал А.Н. Пыпин, – она делала свободу Греции предметом своих мистико-пророческих гимнов; теперь она стала проповедовать об этом в гостиницах... объявляла, что именно Александр и есть орудие, выбранное Богом для восстановления Греции; это назойливое приставанье должно было очень не понравиться императору особенно тогда. Запуганный революциями, Александр представлял теперь Задачу Священного Союза именно в подавлении всяких революционных движений, стремившихся, по его мнению, к низвержению и алтарей и престолов»¹³, к которым теперь причислялось и греческое освободительное движение. Как инициатор и участник Священного союза, взявшего на себя обязательство поддерживать в Европе порядок, Александр, некогда сочувствовавший грекам, а теперь озабоченный тем, как подавить их восстание, видел крайнюю неуместность призывов Крюденер, тем более что в русском обществе были мнения, что Россия обязана защищать своих единоверцев. Он решил остановить проповедницу и поначалу сделал это в мягкой форме. По словам Эйнара, он написал ей письмо на восьми страницах, где указал, что, удовлетворяя стремления греков, он опасается попасть на ложный путь и благоприятствовать тем нововведениям, которые принесли столько жертв и так мало добра (намек на революции. – Прим. авт.), но в особенности принятое на себя обязательство действовать заодно с союзниками; далее, он порицал ту свободу, с которой она осуждала действия его правительства; создавая волнения вокруг трона, она нарушала свои обязанности как подданной и как христианки, и что ее присутствие в столице возможно только на условии – хранить почтительное молчание об образе действий, которого он не мог изменить по ее желаниям».

Это письмо император послал ей через Александра Тургенева, с тем чтобы, по прочтении письма баронессой Крюденер, он взял его назад. Но Крюденер, убежденная в том, «что освобождение Греции было начертано в небесах», не могла согласиться на такое ограничение своей проповеднической деятельности и предпочла вернуться в конце 1821 г. в свое имение Коссе¹⁴. Здесь она предалась подвигам благочестия и аскетизма вместе со своим спутником и единомышленником Кельнером. Зимой 1822 г. она провела следующим образом:

«Кроме поста, которому она подвергала себя уже давно, она выносила в комнате без печки и двойных рам температуру более 20 градусов по Реомюру, не замечая этого; таким образом, она умерщвляла свою плоть и покоряла ее. Эти лишения были для нее лишь способом выразить свое убеждение и свою надежду на то, что жизнь ее, как и сердце, – на небесах... И действительно, душа ее была радостна и даже тело ее в течение нескольких месяцев, казалось, без труда подчинялось строгому режиму, которому она его подвергала»¹⁵.

Вскоре, не выдержав этих опытов, скончался Кельнер. Чета Беркгейм посетила ее зимой 1823 г. и была поражена ее «радостной просветленностью». Однако к весне 1823 г. появились признаки чахотки. Ей рекомендовали южный климат, и в этих обстоятельствах она с интересом восприняла планы княгини Голицыной, собиравшейся вместе с супругами Беркгейм в Крым, чтобы основать там колонию.

¹³ Пыпин А.Н. Госпожа Крюденер // Вестник Европы. – 11. С. 241–242.

¹⁴ Eynard Ch. Op. cit. – P. 372–373.

¹⁵ Eynard Ch. Op. cit. – P. 375.

Указ 1822 г., опала и переселение из Петербурга в Крым

Запрет в 1822 г. тайных и мистических обществ был шоком для многих, считавших себя единомышленниками Александра I. При этом наиболее ярким фигурам, таким как Крюденер и Анна Голицына, предписывалось воздержаться от собраний в столице. Они предпочли своего рода «эмиграцию» единомышленников, избрав Южный берег Крыма, о котором доходили слухи как о земном рае – богатой стране, но глухой и необжитой, к тому же населенной татарами-мусульманами. Край этот, как казалось, вполне подходил для их миссионерских целей: в обществе считали, что они отправились «проповедовать Евангелие татарам».

Однако были и другие, более веские и серьезные причины. Крым, присоединенный еще в 1783 г., несмотря на заманчивые описания его красот путешественниками, и спустя 40 лет оставался практически незаселенным. Он требовал крупных капиталовложений, которые были тогда под силу только богатым магнатам, аристократии. Биограф баронессы Крюденер Шарль Эйнар прослеживает моменты принятия этого решения, которое вызревало постепенно. Так, он сообщает, что *«Крюденер живо интересовалась проектом императора открыть доступ в южную Россию для швейцарских, эльзасских и вюртембергских колонистов. Она только желала бы, чтобы им придали более миссионерский характер»*¹⁶.

Поэтому, когда ответом на запреты правительства стало решение о переселении и в качестве такового был избран Крым, мысли эти упали на подготовленную почву. Кн. Голицына, имея во главе переселенцев идейного вождя в лице Крюденер, сама взяла на себя всю практическую сторону.

*«Княгиня принадлежала к числу тех редких душ, – отмечает Эйнар, – которые не отступают ни перед какой трудностью, и умеют внушить окружающим уверенность в том, что это их собственные мысли. Г-же Крюденер предписано было провести зиму на юге, и убежденность в том, что климат Крыма будет полезен для ее столь драгоценного, сколь и хрупкого здоровья, стала преобладающим мотивом при подготовке путешествия. Весь конец 1823 и начало 1824 гг. ушли на подготовку к отъезду. С началом весны тронулись в путь. Чтобы избавить м-м Крюденер от тягот путешествия, княгиня Голицына решила плыть по Волге... Этот переезд доставил м-м Крюденер давно не испытанное удовольствие. Вид живописных берегов, меняющийся пейзаж, по-весеннему яркий и свежий, оживил ее. По прибытии в Феодосию, она почувствовала себя лучше. Побыв здесь какое-то время, отправились в Карасубазар, куда прибыли в сер. сентября... Болезнь прогрессировала, и м-м Крюденер умерла в ночь под Рождество – с 24 на 25 декабря 1824 г.»*¹⁷.

Спустя немало времени дальний ее родственник, князь Н.Н. Голицын, писатель, историк, публицист (1836–1893), объясняет это выселение стремлением «основать новую колонию в “новых” же местах, где они легко могли бы пропагандировать свое учение, отправлять общественные моления, учредить рассадник трудолюбивых пиетистов наподобие германских того времени религиозных корпораций. При отсутствии проявлений русского религиозного сознания, эта “немецкая штука” легко удалась. Они избрали этою обетованною Америкой Южный берег Крыма, о котором тогда доходили до Петербурга слухи как о земном рае, богатой стране и почве, вместе с тем глухой и необитаемой, где делай, пожайлуй, что хочешь! Княгиня была душою этой экспедиции и собрала команду из ста колонистов преимущественно немцев и греков, садовников, виноделов, земледельцев и проч... Ехать сухим путем было невозможно в

¹⁶ Eynard Ch. Op. cit. – P. 274.

¹⁷ Eynard Ch. – P. 381.

такую даль и с такою массой народа: решено отправиться водою, каналами, Волгою и Доном. Снаряжена была колоссальная барка, на которую вся эта колония села в Петербурге, среди бела дня, у Калинкина моста и тронулась в путь»¹⁸. Путешествие было нелегким и длилось почти полгода: колония переселенцев, состоявшая из лиц разного звания – простолюдины и аристократы, садовники и архитекторы, выходцы из России, Лифляндии, Швейцарии, Германии и Франции, – двинулась сначала водным путем по Волге и Дону, потом через Таманский полуостров попала, наконец, в благословенную Тавриду. Не раз сильный характер и энергия княгини спасали участников этого невиданного предприятия. Так, однажды во время сильнейшей бури на Волге, когда барка едва не перевернулась, она в критический момент собственноручно срубила мачту! Наконец, близко уже к желанной цели путешествия они чуть было не подверглись нападению лощманов и ограблению. Всем было известно, сообщает Н.Н. Голицын, что «княгиня везла с собою 500 000 рублей ассигнациями на устройство колонии и покупку имения. Их вовремя предупредил один из путешественников, грек Талера, услышавший греческий разговор злоумышленников»¹⁹.

Как протекало это необычное путешествие? Некоторые его подробности сообщает французский писатель Луи Алексис Бертрен (1852–1918) проживавший в Феодосии и в Судак (отсюда псевдоним Луи де Судак). Его отец, приглашенный в качестве инженера на строительство железной дороги, женатый на дочери керченского градоначальника А.З. Херхеулидзе[ва], уже обосновался в Крыму. Луи, получив образование во Франции, возвращается в Феодосию, где проживает семья отца, и посвящает себя литературе, одновременно исполняя обязанности французского, затем турецкого и даже испанского консула. Его интересуют судьбы французов, а более – француженок, оказавшихся в Крыму: дело «Ожерелье королевы», связанное с именем графини де Ламотт-Валуа, о котором публикует несколько очерков, поиски могилы баронессы Крюденер, скончавшейся в Крыму; попутно он сообщает некоторые подробности о княгине Голицыной. Источники его сведений – беседы со старожилами преимущественно европейского происхождения – Боде, Ларгье, Жакмар и др., а также архивные сведения.

Главным персонажем плавания на знаменитой барке для него является баронесса Крюденер, идейный вождь путешествия; основное внимание уделено соотечественницам – мадемуазель (он называет ее канониссой) Жакмар и так называемой графине Гаше (Гашет), под именем которой скрывается героиня нашумевшего дела об ожерелье королевы.

Согласно рассказу Жакмар, в передаче Луи де Судак, госпожа Крюденер спустя два(?) месяца плавания по Волге и Дону прибывает в Таганрог.

Английский консул извещен о прибытии барки, которая описывается как «*небольшое широкое и плоское судно, способное нести лишь один четырехугольный парус. На носу выделялась грубо выполненная скульптура ев. Николая, раскрашенная самым необычным образом. На корме высился деревянный крест, украшенный ветками ели и выцветшими бантами... В одной из кают консул заметил трех женщин, сидящих вокруг стола, заваленного какими-то бумагами. Все трое читали раскрытые перед ними толстые книги. Их неподвижность, серые платья, белые чепцы, строгость позы, то, как падал на них свет, – все это придавало данной сцене какую-то фантастическую окраску... Графиня де Гаше сидела к нему спиной, но он смог хорошо рассмотреть остальных женщин, сидящих напротив: маленькую хрупкую блондинку госпожу де Крюденер и внушительную благородную княгиню Голицыну, выражение лица которой представляло собой сочетание утонченности, аскетизма, строгости и насмешливости... Консул представился и, «против своего ожидания, получил такой теплый и неприв-*

¹⁸ Голицын Н.Н., князь. По поводу статей о госпоже Крюденер // Русский Архив. – 1870. С. 904–905.

¹⁹ Голицын Н.Н. Указ. соч. – С. 906.

нужденный аристократический прием, как будто он находился в самом аристократическом салоне мира»²⁰.

Осень застала их в Карасубазаре (ныне Белогорск). В этом небольшом городке, так и не доехав до Южного берега, баронесса Крюденер, страдавшая чахоткой, скончалась в ночь под Рождество Христово – с 24 на 25 декабря 1824 г.

Послушаем же окончание рассказа мадемуазель Жакмар.

«Появление этих женщин в Крыму взбудоражило весь полуостров... Полиция-, получив соответствующие указания, всячески препятствует их миссии... Что касается кн. Голицыной, то, обосновавшись на своей замечательной вилле, она более не помышляла об обращении в другую веру (татар?)»²¹.

²⁰ Луи де Судак. Ероиня процесса «Ожерелье королевы». Ее пребывание в России. Ее смерть в Крыму // Судак Л. де, Мели Ф. де, Рамбо А. Французские путешественники в Крыму. 19 век. – Симферополь: Н.Оріанда. – С. 39–40.

²¹ Там же. С. 42.

А.С. Голицына о роли М.С. Воронцова в письме императору Александру I

Однако на неординарное решение княгини значительное влияние оказала другая выдающаяся личность, и это был граф М.С. Воронцов, в 1823 г. назначенный генерал-губернатором Новороссии. Семен Романович Воронцов, русский посол в Англии, и его сын Михаил, будущий генерал-губернатор Новороссии, обсуждали проблему Крыма еще в Англии.

Семен Романович Воронцов как-то узнал, что австрийский принц де Линь, получив от Екатерины II подарок – земли от Партенита до Кучук-Ламбата и посетив в 1787 г. в свите Екатерины II свои новые владения, очарованный красотой этой живописной местности, решил создать здесь плантаторское хозяйство, заселив земли английскими преступниками, неграми, скитавшимися по Лондону арабами. Проект потерпел неудачу после энергичного вмешательства С.Р. Воронцова. Де Линю пришлось, в конце концов, продать свой подарок русской казне. Но проблема заселения и освоения полуострова оставалась, и отец благословил сына на ее решение. Так, Семен Романович советовал сыну приобрести владения в Крыму еще в 1820 г., в письме от 9 сентября: *«По поводу Крыма, тот или та, кому Ришелье оставил свою землю, возможно, захочет ее продать, и это было бы хорошим приобретением для вас, друг мой, ибо это избавило бы вас от постройки дома, и увеличило бы ваше весьма малое владение, добавив преимущество в виде хорошо расположенного сада»*²². Таким образом, приобретение первых земель произошло еще во время пребывания графа за границей. В «Воспоминаниях» М.С. Воронцова за период 1819–1933 гг. также отражено приобретение земель крымского Южного берега. В 1820 г., в Париже, пишет он, *«никогда не бывав в Крыму, и по рекомендации герцога Ришелье, я купил у м-ра Стевена, директора Никитского ботанического сада, находившегося тогда в отпуске в Париже, земли мыса Мартьян и Ай-Даниля на Южном берегу Крыма... В 1822 г., будучи в Александрии (имение матери жены. – Прим. авт.), я совершил поездку в Одессу и, в первый раз, – в Крым»*. 7 мая 1823 г. М.С. Воронцов был назначен новороссийским генерал-губернатором и полномочным наместником Бессарабской области. В следующем месяце сын получает от отца письмо, из которого следует, что уже обдумано решение избрать *«... в качестве основной резиденции Крым; хотя это место не является центром вашей обширной губернии, я считаю, что именно эта часть в особенности нуждается в улучшении, поскольку ею непостижимым образом пренебрегали... Крым заслуживает, чтобы ему уделили много внимания»*²³.

*«Наблюдаю с чрезвычайным удовольствием, – пишет Семен Романович в письме от 15 (25) октября 1825 г., – что прокладка дороги вдоль южного берега Крыма оживила эту часть полуострова, что край заполняется новыми поселенцами и культура винограда и оливок распространяется все более, и, что, наконец, земля растет в цене. Так как дорогу было приказано строить по вашим представлениям [правительству], вы получаете удовлетворение от того, что способствовали благополучию жителей, делая страну более заселенной, возделанной и богатой... Жаль, что так плохо знали политэкономия и не понимали, что страна без дорог всегда останется бедной и варварской»*²⁴.

Михаил Воронцов прекрасно сознавал необходимость привлечения в Крым людей со средствами, которые они могли бы вложить в освоение земли, но, воспитанный в Англии, сознавал, что «никакое государство, сколь бы деспотичным оно ни было», не могло бы заста-

²² Архив князя Воронцова (далее – АКВ). Т. 17. С. 528. Письма С.Р. Воронцова сыну М.С. Воронцову.

²³ АКВ. Т. 17. – С. 287. Лондон, 1(13) июня 1823, получено 2 июня.

²⁴ АКВ. Т. 17.-С. 567–568.

вить силой свободных дворян переселиться на новые берега. Княгиня Голицына с ее огромным богатством, со связями в среде столичной знати, наконец, с ее волевым характером стала подарком судьбы. Он считал освоение Крыма делом государственного масштаба, и ему удалось увлечь этой идеей княгиню Анну Сергеевну Голицыну, оказавшуюся в опале вместе с Крюденер и их друзьями – участниками благочестивых собраний. Надо представить себе ее настроения: обожание государя, который до последнего времени был их единомышленником – и вдруг резкий поворот и осознание, что она в этом качестве ему не нужна. Но чем еще она может послужить царю и отечеству? – удалиться от света, избрав самую глухую окраину и самое трудное поприще, возделывая землю.

Сохранились черновики двух писем (оригинал на франц.), повествующие об этих настроениях. В первом из них, исполненном самоуничтожения, она называет себя «старой, слабой и совершенно бесполезной» и обращается к государю со смиренной просьбой:

«Государю Вы владеете землями, совершенно бесполезными и, следовательно, бесполезными для Вашей страны; поэтому я осмеливаюсь просить Вас отдать мне несколько тысяч арпанов такой земли, чтобы пасти там стада овец»²⁵.

Но по прошествии некоторого времени с ней беседует граф М.С. Воронцов, и, видя состояние княгини, приходит к мудрой мысли направить ее энергию на освоение Крыма. И вот перед нами второе письмо, адресованное государю. Мы приведем его полностью, поскольку в нем впервые слышен голос самой княгини, совершившей нечто неслыханное, особенно для женщины – стать вождем целой колонии, выселившейся в необжитые земли, причем предприятие это увенчалось успехом!

«После зрелого размышления и внутренней борьбы с самой собой осмеливаюсь я писать Вашему Величеству. В 1824 г. я решила покинуть С-Петербург, удалиться от мира и общества и обосноваться на Южном побережье.

Так как мое здоровье требует благоприятного климата, я предпочла удалиться в места ненаселенные, где меня ждут лишения и трудности, но не покидать родины. Я пожелала провести свои годы забытой, вдали от цивилизованного общества.

Граф Воронцов, вдохновленный патриотическим пылом, считает Побережье (Крыма) неисчерпаемым богатством для России. Этот выдающийся администратор внушил мне веру в то, что при минимуме стараний и забот Побережье может снабдить всю Россию вином, оливковым маслом и миндалем и что это сэкономит миллионы, потраченные на закупку этих вещей за границей. Меня увлекла идея заняться разведением винограда и оливок. Он сказал мне, что если бы я поселилась здесь, то смогла бы, более чем кто-либо другой, увлечь своим примером тех, кто хотел бы начать эти работы, что я стала бы опорой для желающих переселиться иностранцев – виноделов, бочаров, погребщиков, маслоделов, что они найдут в моем поместье те ресурсы, которые страна до сих пор не могла им предоставить, из-за трудностей с жизненными припасами, дорогами и т. д. Его красноречие, широта и разумность его взглядов меня убедили. Я улыбаюсь при мысли, что еще могу быть полезной и посвятить свое время служению моему Государю.

Покидая С-Петербург, я продала свой дом, ранее принадлежавший барону Николаи, частному лицу за 180 тыс. руб. Мой доход от земли и 700 душ крестьян достаточен для прожизнения, и потому я решила употребить эту сумму для разведения винограда. В эту годовщину восшествия В.В. на престол, я высадила 20 тыс. лоз лучших сортов винограда, 1500 оливок, 8000 саженцев миндаля, тем самым завершив дела этого года!

²⁵ РНБ, Отдел рукописей. Ф. 1000, О. 3, д. 256. 2 письма (черновики) кн. А.С. Голицыной императору (на франц. яз.)

Довольная результатами, я надеялась удвоить мою деятельность и завершить с Божьей помощью мои насаждения на будущий год. Но я получила новость: покупатель моего дома, хотя и знал, что я скорее продешевила, нежели имела выгоду от его продажи, и прожил в доме целый год! – отказался от покупки, написав, что дом слишком велик для него и что он его разорит. Я рассчитывала на 180 тыс., но теперь, напротив, должна выплатить ему 80 тыс. долга, так как он заложил дом в банк, чтобы облегчить себе платежи.

Государь, неужели я должна отказаться от того, что так счастливо начала, так как с тем, что я имею, я должна ежегодно платить в банк, содержать себя со всем моим окружением и довершить возведение строений, которые укроют нас от дождя и холода.

Благоволите, Государь, защитить начинание, столь полезное для Вашей империи. Когда я подумаю, что для августейшей церемонии Вашего Таинства, это освященное масло, которое делает Вас помазанником Божиим, священной особой в глазах и сердцах Вашего народа, – что это самое масло должно покупаться за границей, – при этой мысли я нисколько не колеблюсь умолять Ваше Величество защитить нас и оказать помощь в наших трудах. Благоволите, Государь, приказать купить мой дом, корона берет внаем многие дома для департаментов различных министерств, а это более расточительно, нежели покупка. Тогда я смогу продолжить дело, которое так удачно начала.

Я знаю, Государь, что бремя Вашей власти велико и заботы о вашей империи неусыпны, но Вы призваны царствовать и милосердный Бог уделит вам своей благодати, посредством которой Он может заботиться о целом мире и о последнем нищем; Он умножит ваши интеллектуальные способности, благодаря которым Вы, занимаясь целой империей, уделите внимание одной из ваших подданных. Наши духовные нужды в руке Божией, и помазанник Божий между Ним и его народом имеет власть даровать или отказать смертным в их мирских нуждах.

Благоволите, Государь, принять уверения и т. д...»

Так сама княгиня объясняет свое решение, в итоге которого она вместе с баронессой Крюденер, с ее дочерью и зятем – баронессой и бароном Беркгейм, возглавила переселение группы единомышленников в 1824 г. в Крым.

В ноябре следующего года, незадолго до своей смерти, Александр I, приглашенный Воронцовым на Южный берег, посетил Кореиз, где встречался с Анной Сергеевной Голицыной. Оттуда он отправился в Карасубазар, на могилу баронессы и пробыл там в молитве и размышлении довольно долго, отдавая дань той, которая духовно поддерживала его в зарубежном походе, предсказывая победу над Наполеоном, и горячо поддержала идею создания Священного союза в 1815 г. (см. подробнее ниже). Он и сам лелеял мысль провести остаток дней в Крыму, и с этой целью приобрел имение Ореанду. Зная о его религиозных настроениях в конце жизни, нетрудно предположить, что он желал бы, как частное лицо, оказаться в кругу духовных единомышленников, чью деятельность в столице вынужден был запретить как глава государства.

Александр I – гость Кореиза

Осенью 1825 г., когда постройка дома была еще только в самом начале, проезжал последний раз по Южному берегу император Александр I и по пути посетил кн. Голицыну. В описании путешествия императора, напечатанном в 1829 г., по выписям из камер-фурьерского журнала, прямо говорится, что *«26-го октября, проехав из Гурзуфа, где ночевал, Государь обедал в Ореанде, только что для него купленной, пробыл там до вечера, любовался иллюминацией гор и оттуда отправился к Княгине Голицыной, во владении коей существовала в то время лихорадка, ночь провел тогда Государь у одного татарина. 27-го октября прибыл в Алушку утром»*.

Приведем и более подробное описание последнего путешествия Александра по Крыму в книге немецкого историка Шницлера. Его сочинение интересно сообщением о дорогах, точнее, о крымском бездорожье того времени. Повествование усеяно также замечаниями о недомоганиях императора, которые автор связывает с верховой ездой, пешей ходьбой, увлечением сочными фруктами и т. п. Эти недомогания служили предвестием более серьезной болезни, которая и свела его в могилу. Интересны также и его сообщения о душевном состоянии императора, сознававшего, что в стране зреет заговор.

«...В России существовали другие очаги недовольства, и Александр давно бы знал о них, если бы не имел привычки бросать на своем письменном столе бумаги, даже не распечатывая. Но он был осведомлен об этом в ходе своего последнего путешествия в Польшу (15 мая – 13 июня 1825), или сразу по возвращении. Тогда-то он получил первое известие о заговоре, который в течение ряда лет, – вещь невероятная в стране, где полиция так активна, – сложился против него и существующего в России порядка, заговора, предполагавшего цареубийство... Итак, дни монарха были сочтены, кинжал был занесен над ним; роли были распределены, момент для удара назначен. Он это знал, и это было для него предметом крайней подавленности. Ибо, как мы уже сказали, тирания не была его орудием. Добрый человек, чтобы победить злых, не может использовать против них их собственное орудие. Скорее чем прибегать к насилию или влачить в страхе и под защитой штыков жалкую жизнь, он отрекается от роли жертвы. Эти подробности объясняют в значительной степени печаль, которой предавался Александр в последние годы своего царствования, печаль, отпечаток которой ясно читался на его благородном лице»²⁶.

«...Погода стояла прекрасная, и он решил по настоянию графа Воронцова, губернатора Новороссии, совершить путешествие в Крым. Оно должно было длиться 17 дней. Мы будем сопровождать монарха в этом путешествии, рискуя злоупотребить терпением читателя. Но не будем забывать, что речь идет о стране малоизученной, а Крым является одним из самых живописных, любопытных ее уголков.

Отправившись из Таганрога 1 ноября, путники проехали через колонии меннонитов и немцев, расположенные вдоль реки Молочной, вдоль Гнилого моря с его вредными испарениями, и 5 ноября прибыли на закате солнца в Симферополь. Эту обширную деревню, перемежаемую садами, русские превратили в правительственный центр области, которой было дано классическое наименование Таврида. Здесь насчитывается 2275 домов и более 11 000 жителей, из которых только сотня – русские. Татары здесь составляют большинство (7 904), но немало также цыган, евреев-караимов и греков. Губернатор г-н Нарышкин был информирован только за 8 дней о приезде, получив приказ держать наготове на указанных станциях царского маршрута лошадей, необходимых для 9 повозок почты и одной брички. К большому сожалению

²⁶ Schnitzler J.H. Histoire... 1847. – P. 94–95.

населения Симферополя, Александр провел там только одну ночь: на другой день он направился к прекрасному южному побережью, укрытому от северных ветров и открытому солнечным лучам, подобно небесам Италии и Греции. Из Симферополя прямой путь туда лежит через горы, по едва проложенным дорогам. Господствующей высотой среди этих гор, как говорят, является Чатыр-даг, высотой около 1650 м, откуда путешественник видит всю пленительную панораму почти всего полуострова. Чтобы добраться до Гурзуфа, земли графа Воронцова, император проделал 35 верст верхом, тогда как повозки и багаж получили приказ следовать до деревни Байдар, откуда они должны прибыть через несколько дней. Этот утомительный, со всевозможными трудностями переход, пища, предлагаемая на местах августейшему путешественнику, превосходные фрукты, производимые здесь в изобилии и поедаемые им с удовольствием – все это в сочетании стало причиной расстройства желудка, что стало началом более серьезного заболевания. На другой день, продолжая путь на юг, мы прибыли в Алупку на морском побережье. Это татарская деревня, расположенная у подножия Ай-Петри, возможно, древнего Криуметопона, который возвышается на 1300 м. Но славу Алупки, еще более чем ее местоположение, составляет пышный замок гр. Воронцова, построенный в готическом стиле и уже стоявший миллионы, хотя он еще не окончен. Герцог Рагузский сравнивает это великолепное здание с лучшими замками Англии; но другие путешественники придерживаются иного мнения и в особенности критикуют выбор места. Как бы там ни было, Александр, любопытствуя видеть это чудо стран киммерийских и таврических, принял приглашение его владельца, человека изысканных манер и приятного общества. Отсюда хорошая дорога идет вдоль моря в северо-восточном направлении до Алушты; проезжая по ней, восхищаешься этими прекрасными местами, напоминающими карниз Генуи, пожалуй, единственным местом в Российской империи, где климат мягкий и небо всегда ясно. Высокие горы полуострова защищают его от ледяных ветров Севера; и пересеченная местность в соединении со скалистыми ущельями придают ему много разнообразия, дополняемого величественной монотонностью моря, омывающего подножия скал. От Алупки до Ялты прекрасные места сменяют друг друга, и удачно расположенные деревни населены праздными татарами, неразлучными с их длинной трубкой. Вначале Мисхор, собственность г-на Нарышкина, затем Кореиз, владение, основанное кн. Голицыной; далее Ливадия, принадлежащая графу Поттоцкому, и, ближе к морю – Орианда, обширное урочище, замечательное своим местоположением, но где искусство пока немного сделало, чтобы соответствовать природе. Император, который только что приобрел это место, в порядке обмена, у графа Кушелева-Безбородко, пожелал посетить его; затем, совсем близко от Ялты, небольшого порта, известного древним, перед которым лежит долина необычайной красоты, он направился туда и продолжил свои исследования вплоть до Никиты, где, неподалеку от греческого монастыря расположен императорский сад, известный как Ботанический сад и питомник. Здесь культивируют виноград 400 различных сортов. Отсюда император вернулся в Алушкинский замок той же дорогой. Желая нанести визит княгине Голицыной, он отправился один в ее небольшую колонию, где в то время свирепствовала злокачественная лихорадка, эндемичная на полуострове. Он много ходил пешком, охотно ел сочные фрукты, которыми его угощали, и провел ночь у местного татарина, восхищенного возможностью оказать восточное гостеприимство великому владыке Севера. Александр хотел видеть всех вблизи – христиан, мусульман, евреев. Все это путешествие восхитило его своей новизной, – впечатление, которое наши западные читатели, возможно, у разделят с ним. Он совершил и другие пешие прогулки в окрестностях земли графа Воронцова. Затем он продолжил свой путь. Но дорога, такая прекрасная от Никиты до Алупки, здесь и закончилась. Государь должен был преодолеть высокую гору, чтобы попасть во владения Мордвинова

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.